

— Цзянь Хуай! — прокричал Лу Уцзэ, барабана в дверь. — Открывай живо!

Его голос настойчиво доносился снаружи, не давая ни минуты покоя.

Цзянь Хуай хранил молчание. Лишь спустя довольно долгое время Лу Уцзэ снаружи притих. Но тишина длилась недолго: вскоре послышался глухой хлопок и шаги прямо под окнами. Он перемахнул через забор, спрыгнул во двор и теперь колотил уже в самую входную дверь дома.

Цзянь Хуай нахмурился, но всё же поднялся с пола. Видимо, из-за того, что он просидел в одной позе слишком долго, ноги затекли, и каждое движение отзывалось неприятным покалыванием. Медленно, едва передвигаясь, он подошёл к выходу.

Сквозь щели в дверном проёме доносилось приглушённое бормотание:

— Цзянь Хуай, да открой же ты... Мне сказали, ты пропустил утренние занятия, значит, точно дома сидишь.

Цзянь Хуай, не говоря ни слова, потянул за ручку.

Стоило двери распахнуться, как он увидел перед собой красивого подростка. Тот, заметив его, расплылся в широкой улыбке и прищурился. Капельки пота блестели на его свежестриженном затылке.

— Я принёс тебе обед, — Лу Уцзэ приподнял пакет в руке.

— Не стоило, — отозвался Цзянь Хуай. — Тётушка скоро придёт и всё приготовит.

— Да она же взяла отгул на эти дни, — бесцеремонно ввалился внутрь Лу Уцзэ, проходя вглубь дома. — Мы же последние два дня вместе обедали в столовой, забыл?

Цзянь Хуай замер, пытаясь припомнить. Действительно, так оно и было. Видимо, усталость последних дней давала о себе знать: мысли путались, а события прошлого подёрнулись дымкой, словно их накрыли белой вуалью — вроде помнишь, а чёткости нет.

В доме Цзянь Хуая плотные шторы были задвинуты так туго, что ни один солнечный луч не проникал внутрь. Даже в разгар дня здесь царила мрачная полутьма. Цзянь Хуай стоял в тени, куда не достигал свет, и наблюдал за гостем. Лучи солнца, ворвавшиеся вслед за Лу Уцзэ через открытую дверь, падали только на него, окутывая его фигуру золотистым ореолом.

Лу Уцзэ выставил контейнеры с едой на мраморную столешницу и огляделся.

— Ну и темень у тебя тут.

Сделав пару широких шагов, он подошёл к панорамному окну в гостиной и резким движением раздёрнул шторы.

Яркий свет мгновенно хлынул в комнату, ослепив Цзянь Хуая. Он непроизвольно вскинул руку, прикрываясь от сияния. В золотистых лучах его бледное предплечье казалось почти прозрачным.

Лу Уцзэ обернулся. Половина его лица была залита солнцем, отчего черты казались ещё более глубокими и резкими, а тёмные глаза в этом свете приобрели мягкий, золотисто-карий оттенок.

— На улице такой прекрасный летний день... Шторы нужно открывать, чтобы солнце согревало дом.

На Лу Уцзэ был школьный спортивный костюм. Он мерно дышал, а тонкая футболка не могла скрыть крепких мышц. Он едва заметно улыбался. Когда он зашагал к Цзянь Хуая, от него буквально веяло жизненной силой, такой же неудержимой, как солнечный свет.

Цзянь Хуай помолчал немного, а затем тихо выдавил «угу» — неясно даже, услышал ли его Лу Уцзэ. Опустив руку, он искоса взглянул на друга. Внезапно по телу разлилось едва уловимое тепло, от которого онемевшие пальцы мелко задрожали.

Лу Уцзэ подошёл вплотную и привычным, естественным жестом взял Цзянь Хуая за руку, увлекая его к дивану.

Цзянь Хуай вздрогнул. Опустив взгляд, он уставился на их переплетённые пальцы. Ладонь Лу Уцзэ была немного грубой, но очень горячей — он чувствовал, как это тепло пропитывает его собственную руку.

Послушно следуя за ним, он опустился на светло-коричневый кожаный диван. Лу Уцзэ отпустил его руку, и Цзянь Хуай на мгновение замер, глядя на свою ладонь. Он медленно сжал и разжал пальцы, после чего чинно положил руки на колени. Он слегка коснулся пальцами тёмно-синей ткани школьных брюк, словно пытаясь стереть то странное, непривычное ощущение от чужого прикосновения.

Лу Уцзэ, не замечая его замешательства, принялся распаковывать еду. Он уверенно вынимал один изящный контейнер за другим, а сам не переставал болтать:

— Вот твои любимые креветочные димсамы из «Хоудэцзи», булочки «золотой песок» и говяжий рубец с чёрным перцем... Надеюсь, пока я нёс, они не стали хуже. — Он достал ещё одну коробочку. — А это свежая рыбная каша из «Пиньчжэнь». У тебя желудок слабый, так что

каша — самое то.

Цзянь Хуай сидел неподвижно, выпрямив спину, словно послушный ребёнок. Положив руки на колени, он внимательно прислушивался к воркованию Лу Уцзэ. Какое-то забытое чувство начало всплывать из глубины души. В этот момент его настойчивое вторжение в дом уже не казалось ему раздражающим.

Достав две пары палочек, Лу Уцзэ протянул одну Цзянь Хуаю, а вторую оставил у себя. Есть он не собирался — просто сидел и наблюдал за другом. Заметив, что тот ест только горчичную зелень, он подцепил палочками кусочек свиного ребрышка.

— Хватит налегать на овощи. Ты потому и не растёшь, что вечно привередничаешь. Хрупкий совсем, того и гляди ветром сдует.

— Во мне почти метр восемьдесят... — тихо пробормотал Цзянь Хуай, но его прервали, отправив в рот ребрышко.

Почувствовав маслянистый вкус парового мяса, Цзянь Хуай замолчал. Тщательно прожевав и проглотив кусочек, он снова приоткрыл рот.

Лу Уцзэ осторожно, словно боясь спугнуть, отправил ему в рот ещё один кусочек. Видя, как покорно ест Цзянь Хуай, он довольно прищурился.

— Вкусно?

Он буквально сиял от радости, глядя, как тот ест.

— Вот ещё димсам, твой любимый. Знаю, как ты любишь креветки, поэтому взял двойную порцию.

Цзянь Хуай ничего не отвечал, лишь изредка согласно кивал. Съев пару креветочных пельменей, он принял из рук Лу Уцзэ кашу. Сделав пару глотков, он почувствовал, что насытился до предела. Но, встретив полный надежды взгляд друга, он просто не смог заставить себя отставить чашку. Он продолжал есть ложку за ложкой. Нежный вкус рыбы и мягкая текстура риса смешивались во рту, и хотя тело уже сигнализировало о дискомфорте, ему казалось, что это самая вкусная еда в мире. Он доел всё до последней капли.

Лу Уцзэ, похоже, был искренне удивлён. Отложив палочки, он уселся прямо на пол, подперев подбородок рукой и склонив голову набок.

— Будь у тебя каждый день такой аппетит, я бы быстро превратил тебя в маленького поросёнка.

Он убрал пустую чашку обратно в пакет и снова взял палочки.

— Хочешь ещё чего-нибудь? Живот не болит?

Посмотрев на Лу Уцзэ, Цзянь Хуай почувствовал, как в желудке всё переворачивается. Боль начала пульсировать под рёбрами. Он замялся на мгновение. Внезапно горло перехватило. Прижав ладонь ко рту, он резко вскочил с места.

Лу Уцзэ нахмурился и мгновенно поднялся с пола, подхватив Цзянь Хуая за предплечье.

— Переел всё-таки?! — в его голосе зазвучала тревога. — Тошнит? Желудок колет?

Цзянь Хуай резко вырвал руку и бросился в ванную. Склонившись над унитазом, он зашёлся в приступе рвоты.

Лу Уцзэ кружил рядом, точно огромный преданный пёс, не находя себе места.

— Это я виноват, запихал в тебя столько... Знал же, что ты ешь как птичка...

Он положил руку на спину Цзянь Хуая, мягко поглаживая и похлопывая.

— Давай, выплесни всё, полегчает. Мой хороший, ну же... Тише, скоро пройдёт...

Когда желудок наконец опустел, Цзянь Хуай нажал на кнопку слива.

— Как ты меня сейчас назвал?

Он выпрямился и взял протянутый Лу Уцзэ стакан с водой. Подняв взгляд, он спокойно посмотрел на друга.

Лу Уцзэ застыл.

— Ну... это... — Он замялся. — Сокровище моё. Ты же с самого детства моё главное сокровище.

Внешне он казался невозмутимым, но внутри маленький человечек в панике колотил себя по голове: ну надо же было так ляпнуть! Он во все глаза смотрел на Цзянь Хуая, который полоскал рот, боясь увидеть его гнев.

Однако Цзянь Хуай, казалось, задал вопрос просто из любопытства. Закончив, он молча обошёл Лу Уцзэ и направился к раковине. Лицо его оставалось бесстрастным.

— Со... сокровище? — снова тихо позвал Лу Уцзэ.

Цзянь Хуай взглянул на своё бледное отражение в зеркале.

— Угу, — отозвался он.

Он сам не понимал, что с ним происходит, но при звуке этого слова сердце предательски забилось быстрее. В душе всколыхнулась щемящая нежность, и ему захотелось... захотелось услышать это ещё раз. Цзянь Хуай склонился над краном, плеснув холодной водой в лицо несколько раз подряд.

Лу Уцзэ, ошеломлённый этой неожиданной переменой, не сводил с него глаз.

— Сокровище, — повторил он, словно пробуя слово на вкус.

Он смотрел на мокрое лицо Цзянь Хуая, на слипшиеся пряди волос на лбу. Капли стекали по щекам. В холодных глазах Цзянь Хуая он видел своё отражение. Он моргнул, и с густых ресниц сорвалась капля, упав вниз подобно слезе.

На мгновение Лу Уцзэ показалось, что тот плачет. Он сделал шаг вперёд.

— Пожалуйста, не плачь... — прошептал он, взяв лицо Цзянь Хуая в ладони.

— Дурачок, — тихо ответил тот. — Я не плачу.

— Мяу! — Кошачий крик внезапно нарушил воцарившуюся тишину.

На подоконнике за окном ванной сидел большой толстый белый кот. Он внимательно следил за людьми внутри.

Лу Уцзэ отпрянул, словно обжёгся. Он густо покраснел. Осторожно отпустив Цзянь Хуая, он вытянул пару салфеток и принялся бережно промакивать воду на его волосах и лице.

Цзянь Хуай принимал эту заботу как нечто само собой разумеющееся, послушно подставляя лицо. И когда Лу Уцзэ выбросил мокрую бумагу, он вдруг сам протянул руку и тонкими пальцами сжал его ладонь — так же естественно, как тот делал это раньше.

Лу Уцзэ почувствовал, как сердце сделало кульбит. Он изо всех сил старался сдержать улыбку, но сияющий взгляд выдавал его с головой. Уши под короткой стрижкой предательски покраснели.

— Какая холодная, — прошептал он, крепко сжимая руку Цзянь Хуая в своей руке.

— Цзянь Хуай, никогда не отпускай мою руку. Давай всегда будем вместе.

Его голос, уже потерявший подростковую ломкость, звучал низко и глубоко.

— Обещаешь?

Он и сам не до конца понимал, что пытается выразить. Просто сейчас, ощущая руку Цзянь Хуая в своей, он не хотел отпускать её ни на миг. Он не знал, какого ответа ждёт и к чему стремится, — он говорил, повинаясь инстинкту, в котором сквозили неосознанные страх и смирение.

Цзянь Хуай следовал за Лу Уцзэ, глядя на его широкую спину, когда внезапно прямо перед глазами возник странный прозрачный экран.

Время словно замерло.

[Юношеская привязанность — самая прекрасная, обещания — самые искренние. Лу Уцзэ загадывает желание]

[Дорогой Цзянь Хуай, твой выбор...]

Вариант 1: [Согласиться]

Вариант 2: [Отказать]

[Внимание: это важное решение. Если в будущем ты нарушишь это обещание, мир подвергнет тебя наказанию]

Цзянь Хуай смотрел на это знакомое и в то же время чуждое явление, и в его сердце словно открылась рана. Боль была почти невыносимой.

«Навсегда вместе?»

Он прошептал эти слова про себя, растерянно глядя на варианты выбора. Словно эхо, в голове зазвучали мысли: «Мы никогда не отпустим друг друга... мы обещали... всегда быть рядом... и больше никогда не расставаться...»

Он непроизвольно потянулся к экрану, коснувшись варианта, сулившего прекрасное будущее.

Цзянь Хуай крепко зажмурился, и видение исчезло.

Лу Уцзэ обернулся, с тревогой заглядывая ему в лицо:

— Всё ещё плохо?

Он моргнул, в упор глядя на красивое лицо друга. Его глаза слегка покраснели. Он едва заметно улыбнулся.

— Нет.

Он крепче сжал руку Лу Уцзэ.

— Я просто... просто...

Он не мог подобрать слов, чтобы описать это чувство — нечто настолько мягкое, что оно граничило с болью, и в то же время похожее на рой лёгких, искрящихся пузырьков, лопающихся в самой глубине души.

Цзянь Хуай подался вперёд и прислонился лбом к плечу Лу Уцзэ.

— Просто... мне очень хорошо.

— Наверное... я просто слишком счастлив.

Кажется, он впервые по-настоящему понял, что это значит. Это ощущение, будто ты вот-вот взлетишь. Кажется, он ждал этого... очень, очень долго.

И вот, наконец, дождался.

<http://bllate.org/book/17462/1697804>